

Новые аспекты стратегии национальной безопасности

В.И. Мизин

В статье анализируются некоторые новые аспекты развития ситуации в сфере международной безопасности и стратегической стабильности. По мнению автора, нынешняя фаза мирового развития характеризуется высоким уровнем хаотичности и непредсказуемости развития. Делается попытка проследить влияние полицентричности мира, снижения уровня военного противостояния, угрозы глобального терроризма и других такого рода факторов на формирование принципиально новой модели стратегической стабильности, идущей на смену парадигмам времен «холодной войны». В статье намечен ряд конкретных мер по укреплению военных и политических аспектов безопасности во всем мире.

Внешняя политика, очевидно, не является некоей эзотерической «вещью в себе». Ее главной задачей представляется создание наиболее благоприятных условий для развития страны, продвижение приоритетов и интересов государства в мировых делах, минимизация и по возможности нейтрализация внешних вызовов и угроз. Это, естественно, справедливо и для России, которая стремится всемерно укреплять свои международные и внешнеэкономические позиции, а с учетом своей многократно заявленной уникальной исторической роли – занять достойное место в мировых процессах глобализации, устойчивого развития и комплексной модернизации.

Как отмечал в своей программной предвыборной статье по внешней политике В.В. Путин, «Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убежден, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь «задвинуть» ее, ослабить ее геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности»¹. Одна из главных целей России, судя по нынешней редакции Концепции внешней политики, – укрепление всеобщей безопасности, отказ от конфронтации и силовых методов решения конфликтов. Ясно тем не менее, что при определенной самостоятельности

и даже приоритетности система международной безопасности является органической частью более широкой системы международных отношений и мировой политики.

Среди хорошо известных в мире важнейших ориентиров российской внешней политики и дипломатии – неделимость безопасности для всех государств, недопустимость «культы силы» в мировых делах и безусловное соблюдение основополагающих принципов международного права и примата полномочий ООН, активизация процессов демократизации международных отношений и стабилизации в кризисных районах. Диалектическая взаимосвязь между национальной и международной безопасностью в условиях естественного слияния, «взаимного перетекания» внутренней и внешней политики существовала всегда. Национальную безопасность страны сегодня уже невозможно обеспечивать без учета всеобщей международной безопасности и реалий глобального развития².

После окончания «холодной войны» на первое место в мировых делах (несмотря на непрекращающиеся конфликты), казалось бы, вышли процессы глобализации, научно-технического прогресса, противодействия «кондратьевским» волнам экономического кризиса. Отмечается и своего рода «приватизация» международных

отношений, усиление роли негосударственных игроков³. После создания Вестфальской системы в XVII в. главными акторами в вопросах войны и мира, международной безопасности, были государства. Сейчас ситуация меняется на глазах – вместе с явным уходом в прошлое Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений⁴. Ряд экспертов даже говорят если не о «всемирном правительстве» и «интеграции всех и вся», то о постепенном отмирании государства, возникновении мира как сети локальных сообществ, «глокализации». При этом продолжается в новых формах борьба за влияние в отдельных регионах и соревнование между ключевыми странами за глобальное лидерство.

Вместе с тем именно от решения проблем войны и мира, то есть так называемой «жесткой» безопасности, зависит само выживание людей. Сегодня в политологическом дискурсе модно говорить о расширении понятий безопасности, «секьюритизации» всех аспектов человеческого существования. Споры нет, и «мягкая сила», и проблема безопасностей продовольственной или экологической, борьба с оргпреступностью и нелегальным наркотрафиком, киберпреступностью, пиратством, нелегальной миграцией, да и с дорожными инцидентами и техногенными или природными катастрофами, бедностью и эпидемиями – насущная необходимость⁵. В том числе и в плане устойчивого повышения качества жизни человечества. Казалось бы, только фанатики или пресловутые «экспертные идиоты» могут толковать о ядерной войне, когда в умах большинства людей – проблемы борьбы с непрекращающимся глобальным кризисом и вопросы самого выживания в нелегких социально-экономических условиях.

Однако, как ни важны проблемы «общебезопасностного» плана, именно на предотвращение большой войны и крупных вооруженных конфликтов направлены главные усилия мирового сообщества, ибо именно от этого и сегодня (к сожалению!) зависит его выживание. Не ликвидировано и все же небыстро сокращается количественно «проклятие XX века» – ядерное оружие (ЯО). Ядерные потенциалы появляются у все новых государств, а значит, окончательно не устранена и угроза ядерной войны. Существенной угрозой безопасности мирового сообщества служит распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, вероятность его попадания в руки «несистемных» государств или неконтролируемых государством акторов. ЯО сегодня – своего рода атавизм, а в эпоху глобальной НТР, скорее почти что «оружие бедных» (ну, или не очень богатых), тех, кто неспособен производить современные «умные» неядерные вооружения, защитить себя и отстаивать свои жизненные интересы другим способом, одержим паранойей «осажденной крепости». Понятно, что отнюдь не (или же далеко не только) наличие ядерного оружия взаимно сдерживает обладающие им государства от агрессии при всех

имеющихся противоречиях при обеспечении их национальных интересов. Тем более что с развитием пресловутой «революции в военном деле» роль ЯО будет снижаться, как это происходит сейчас в доктринальных установках США.

В условиях непростого диалога с нашими партнерами необходимы общие оценки угроз и совместные алгоритмы решения сложных проблем, общие понятия для ведения диалога. Это Россия уже сегодня пытается делать во взаимоотношениях с партнерами в целях решения сложных проблем, например, с Польшей или даже США. Такому подходу способствуют общая история, более-менее схожая по типу экономика, иногда и политическая культура. Ведь даже Сталин действовал в целом в геополитически понятных тогда европейских рамках, а исторически Россия стала великой мировой державой в XVIII в., лишь «вестернизировавшись». Настаивая на «неделимости безопасности» и осовременивая таким образом идеи главы НКВД СССР М. Литвинова⁶, стремясь к видению мира как «общего пространства безопасности», не следует при этом возрождать химеры прошлого и стереотипы времен глобальной конфронтации. Это было бы проявлением своего рода комплекса неполноценности, питающего в свою очередь комплекс какой-то российской особенности и непохожести. При этом очевидно, что количество спорных вопросов, причин для недоверия и подозрительности между Западом и «континентом-Россией» не снижается и достигает порой почти уровня «холодной войны».

Ситуация с «жесткой» или в традиционном ее военном понимании безопасностью в мире крайне непростая и волатильная. Для сегодняшних международных отношений характерны неравномерность эволюции политических и социально-экономических процессов, сохранение различного рода конфликтов, появление новых, зачастую «внесистемных», акторов на мировой арене. Таким образом, налицо отсутствие долгожданного «золотого века» без войн и насилия или «конца истории»⁷. Несмотря на оптимистические прогнозы ряда экспертов, международные отношения – и в период после завершения «холодной войны» – далеки от идиллической гармонии предвиденного И. Кантом идеала «всеобщего мира»⁸, когда «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Вопреки очевидному стремлению отдельных государств, межгосударственных образований и союзов к определенному «упорядочиванию» международной жизни, принятию различного рода «правил поведения», «дорожных карт» и систем «сдержек и противовесов» – в целом развитие отдельных стран и регионов носит довольно непредсказуемый, неравномерный, как бы «рваный» характер. При этом этнические, межконфессиональные, связанные со столкновением религий и цивилизаций, агрессивным сепаратизмом, неконтролируемыми миграционными и демографическими процессами, коллапсом государственных структур конфликты влияют не только на взаимоотношения стран в регионах,

но и сказываются на состоянии стабильности мировой системы в целом⁹.

Главной чертой мировых процессов является скорее их непредсказуемость. Развитие мира не просчитывается и не прогнозируется даже на среднесрочную перспективу. Ведущие школы теоретического осмысления мировых процессов, включая неореалистов и неолибералов, не говоря уж о неомарксистах, оказались неспособными дать коррелирующие с реальным развитием событий сценарии развития мировой ситуации, в том числе и в сфере безопасности. Вместе с тем они обогатили политологическую науку набором терминов и парадигм, которые до сих пор являются основой теоретического дискурса по мировым процессам¹⁰.

Ясно одно: международные отношения по-прежнему несвободны от конфликтности и острых противоречий и, по сути, скорее хаотичны. В ближайшие 10–15 лет эксперты предсказывают обвальные процессы социально-экономических, а также внешнеполитических сдвигов и трансформаций в рамках набирающих силу тенденций глобализации. Финансовые проблемы, накапливающиеся у США, замедление рекордных темпов роста ВВП в Китае и Азии, долговой кризис во многих странах Европы и затяжная стагнация в Японии могут с большой вероятностью вылиться в глубокий, качественно новый кризис, полную силу которого мировая экономика ощутит уже через два-три года. Характер этого кризиса может быть буквально катастрофическим по своим последствиям и не идти ни в какое сравнение с финансово-экономическим катаклизмом 2008–2009 гг.

Речь не идет, конечно же, о ситуации тотального «вселенского хаоса» или преддверии неминуемого полного коллапса, нового общемирового вооруженного конфликта. Некое минимальное равновесие системе международных отношений, несомненно, все же имманентно присуще¹¹. То есть в определенной мере возможно обретение некой «динамической стабильности». Финансово-экономический кризис последних трех лет тем не менее заставил совершенно по-новому оценить парадигмы мирового развития, подчеркнув иллюзорность надежд на долговременное стабильное развитие и процветание. Устоит ли Запад в конечном счете или подвергнется новой волне финансово-экономических кризисов – согласно теории кондратьевских «длинных циклов (волн)»¹²? Если стабильность мировой структуры и нынешнее доминирование Запада будут и дальше подрываться – до какой степени милитаризации и конфликтности в результате этого дойдет мир? Выдержит ли потрясения мир развивающийся, особенно его беднейшая часть, или будет разрываться конфликтами и деградировать и дальше?

Теоретически возможны два среднесрочных сценария. Согласно первому, индустриально развитым странам удастся в конечном счете преодолеть кризис и закрепить свое лидерство в мире. В

принципе это означает стабильное развитие мировых процессов. Мы станем свидетелями совершенно новой экономики, основанной на новой системе регулирования ее глобального развития, «экономике знаний», идущей на смену ранее широко прославляемой «НТР». Увидим новый облик социально ориентированного, менее характеризующегося погоней за прибылью капитализма; большую роль государств и международных организаций в регулировании глобальных рынков.

Если же возобладает второй вариант развития, то Запад действительно захлестнет новая волна кризиса, его влияние и роль в мировой экономике станут стремительно сокращаться. Начнется давно предсказанное стремительное превращение Китая в ведущую мировую державу; развивающиеся страны, охваченные волной внутренних социально-экономических потрясений, все активнее будут бросать вызов «старому миру» и требовать для себя все новых прав и преференций в мировых делах, в частности в международных финансовых институтах. В принципе ситуация на новом диалектическом витке будет напоминать период заката Древнего Рима под напором жителей его колоний и набегов варваров.

Сегодня появляются новые международные организации, пытающиеся как-то управлять мировыми процессами, например, усиливает свою роль «Двадцатка» – идущая на смену «Восьмерке». Все чаще от имени мирового сообщества выступают наднациональные структуры, а полноправными акторами на международной арене становятся негосударственные организации и объединения. Значительное влияние на международно-политическую ситуацию оказывает комплекс факторов нового порядка – ресурсных, производственных, научно-технологических, интеллектуальных, финансовых и т.п. Мы видим весьма интересные процессы выстраивания новой многоукладной, «сетевой» международной системы. В Европе и Восточной Азии набирают силу процессы интеграции. Активно декларирует стремление стать новым «полюсом влияния», а значит, и интеграционным, системообразующим центром и Россия. Китай изготовился в долгосрочной перспективе стать мировым гегемоном. С определенной точки зрения ситуация в международных отношениях напоминает мир XIX в. с его «концертом великих держав», в основном сегодня все еще западных.

Весьма условно можно попытаться категоризировать государства мира по ряду параметров. Явно обозначился своего рода глобальный «остров» более-менее стабильного развития. Это – демократические, индустриально развитые государства с давно сложившимися гражданскими обществами и рыночной экономикой (традиционные лидеры мировой политики – прежде всего США, ведущие европейские страны – плюс новые центры экономической мощи в Восточной и Юго-Восточной Азии – плюс скандинавские страны и Австралия – Новая Зеландия), то есть как бы «первый мир». Для этих государств характерны определенные, самые высокие в мире уровни жизни и

стандарты соблюдения прав и свобод человека (при всех известных изъянах и проблемах), социально ориентированный, с высокой степенью социальной защищенности капитализм (примеры – Швеция или Германия), но конечно же отнюдь не какой-то «социализм с человеческим лицом». Эти государства как бы демонстрируют миру эфемерность пресловутой «левой идеи», неспособной предложить на сегодня никакого реального рецепта организации экономики, а лишь набор демагогических лозунгов о равенстве, пагубности эксплуатации человека и необходимости социальной справедливости. Неслучайно на сегодня это явные центры притяжения глобальной иммиграции.

Их догоняет «мир второй», в том числе претенденты на роли ведущих стран – члены БРИКС, включая Россию, некоторые малые европейские, азиатские или латиноамериканские страны. Это стремящиеся стать мировыми лидерами и уже обгоняющие «первый мир» по приросту ВВП государства. Они имеют немалый потенциал развития, но пока отстают по уровню эффективности рыночной экономики, развитию демократии и комфортности ведения бизнеса или просто проживания населения. Безнадёжно отстает, «живет на пособия» и погряз в конфликтах так называемый «третий мир» – развивающиеся или, скорее, слабо развивающиеся, зависящие от помощи «мира первого» и международных организаций страны. У него тоже есть свои лидеры, явно стремящиеся перейти в число государств потенциально успешных (скажем, Турция или Саудовская Аравия).

И есть как бы «мир никакой» – анклав «социализма», застоя и архаики – Куба, КНДР, Венесуэла сегодня, некоторые страны Африки. Время там «остановилось» или идет вспять, права человека грубо нарушаются, экономика, несмотря на отдельные попытки модернизации, находится в глубоком кризисе. Все они в той или иной мере стоят на пороге социальных революций и потрясений типа пресловутой «арабской весны».

Разрыв в уровне развития «золотого миллиарда» или примерно 30 стран Европы, Восточной Азии и Океании с довольно ограниченными природными ресурсами, примерно 140 «аутсайдеров», все увеличивается. Это создает перманентную основу новой мировой напряженности. Будущее устройство мировой системы, как и будущие войны и конфликты, скорее всего, будут определяться взаимными трениями и претензиями «богатого Севера» и «бедного Юга». При всем уважении к концепции «многополярности» и многовекторности развития глобальной экумены, все эти новые «полюса» – вроде Китая, Индии, Нигерии, ЮАР, Бразилии или (уже в прошлом?) Японии – не могут предложить достаточно основательное сочетание экономической и военной мощи, «мягкой силы», реальных демократических прав и свобод, уровня жизни, а также привлекательной идеологии, миссионерской «пассионарности» и одухотворенности идей, культурного

потенциала для того, чтобы действительно занять руководящие позиции в мире.

США – при всех известных проблемах их экономического развития – остаются ведущей державой современного мира, по крайней мере в экономическом (о чем говорят попытки урегулирования экономического кризиса) и военно-политическом планах. Все еще лидером не только Запада, но и всей традиционной либерально-демократической, «рыночной» части мира. Нехотя признают это и в ЕС, не преминув покритиковать США за претензии на доминирование и провальную реализацию концепции «всемирной демократизации». Но и у США, как свидетельствует ныне всеми критикуемый опыт администрации Дж. Буша-младшего, а также уроки последнего глобального экономического кризиса, возможности ограничены. Им придется серьезно пересматривать модальности своей внешней политики, чтобы сохранить лидирующие позиции (до предрекаемого у нас иногда в «патриотической» экспертной среде «коллапса» Америки еще весьма далеко).

Войны между государствами «первого мира» невозможны. Это развитие, «нормальные» демократии – разумеется, не без своих, зачастую весьма острых проблем. Возможны напряженность и конфронтация между «первым миром» и «вторым» (в диадах США–Россия, Россия–НАТО, Китай–США, Великобритания–Аргентина или, например, бывшая Югославия при режиме Милошевича–НАТО). «Третий мир» – это средоточие конфликтов, источник мировой напряженности. Там главное приложение военных усилий мира «первого» – в попытках стабилизации, смены тоталитарных режимов, «демократизации», урегулирования конфликтов, защиты прав человека, предотвращении геноцида, «гуманитарных интервенций». В известной мере ведущие западные державы руководствуются крылатой формулой «мы в ответе за тех, кого приручили», хотя о степени «прирученности» бывших колоний и протекторатов можно спорить. Традиция «вестфальского» подхода к международно-политической системе (недопустимости вмешательства во внутриаполитические дела других государств или, по крайней мере, наличия достаточных оснований и санкций СБ ООН для этого) все больше ставится сейчас на Западе под сомнение или реально уходит в прошлое. Примеры тому – Ирак, Судан, Ливия, Афганистан, Пакистан, Кот д'Ивуар, Чад, Сирия и т.д.

Многие эксперты полагают, что мир стоит на пороге нового витка борьбы за передел сфер влияния. Традиционная («вестфальская») система международного права, основанного на суверенитете государств и принципе невмешательства в их внутренние дела, будет все больше оспариваться. Развитый мир все больше становится площадкой регионализма, миром «коммун» и локальных сообществ, широких интеграционных наднациональных, но и внутригосударственных образований, а не только традиционных госу-

дарств. За «вестфальское» прошлое цепляются в основном государства «второго» мира (Россия – с учетом ставки ее элиты на суверенитет и недопустимость делегирования властных полномочий) и в какой-то мере – США в силу ощущения их элитой Америки как «сияющего града на холме», указывающего путь миру.

Вот почему такое огромное значение для глобального миротворчества приобретает ООН – уникальная, обладающая универсальной легитимностью мировая площадка для согласования позиций государств и новых акторов. В ситуации часто упоминаемого ее «упадка» и неспособности быстро и эффективно гасить самые острые мировые кризисы крайне важно придать импульс многостороннему взаимодействию для решения в ее рамках и с ее помощью насущных глобальных проблем современности. Прежде всего речь идет о таких областях, как предотвращение и урегулирование региональных кризисов, нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом и трансграничной оргпреступностью, преодоление последствий природных и техногенных катастроф, противодействие климатическим изменениям, обеспечение устойчивого развития и продовольственной безопасности.

ООН часто критикуют в последние годы за неспособность реально приступить к урегулированию международных кризисов. Тем не менее реальной альтернативы ей в плане действительно универсального, а не своего рода «клуба избранных» инструмента не просматривается. Нарастание коллективного взаимодействия требует при этом строгого соблюдения уставных прерогатив Совета Безопасности ООН как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности и единственно уполномоченного применять силу для урегулирования споров и принуждения к миру. Это важно, чтобы не допускать повторения или универсализации таких односторонних акций, как операции НАТО в бывшей Югославии или Ливии. При этом совершенствование взаимодействия Совета Безопасности с региональными организациями в соответствии с главой VIII Устава ООН (такими, как НАТО, ОДКБ или ШОС) призвано полезным образом дополнять деятельность ООН в деле стабилизации обстановки в конфликтных районах мира.

Вместе с тем необходимо продумывать и процессы дальнейшего повышения эффективности и демократизации ООН, усиления в ней роли неправительственных организаций и акторов (это набирающая силу тенденция), сопряжения ее работы с деятельностью региональных организаций, «Двадцатки» и «Восьмерки», что уже и происходит в последнее время. Динамика международных процессов глобализации, укрепляя взаимозависимость и создавая предпосылки для преодоления между странами противоречий и конфликтов, не устраняет их полностью. Все более важными становятся невоенные угрозы, однако далее мы сосредоточимся на сфере

военных вызовов, на факторе военной силы. В последние годы сфера взаимодействия мировых акторов, которую принято относить к невоенной, или гражданской, области международной безопасности, получает все большее значение в мировой политике.

Потенциальным источником военных конфликтов остаются:

- экономические противоречия, внутренняя социэкономическая напряженность в странах;
- демографические проблемы, проблемы миграции, климата, экологии, техногенных катастроф и даже гендерная тематика;
- вопросы доступа к ресурсам (в частности, пресной воде, рудным запасам или углеводородам);
- столкновения культур и цивилизаций;
- возможного коллапса структур управления в кризисных «несостоявшихся» государствах.

В этой связи принято в последнее время говорить о важности экономической, экологической, информационно-культурной или даже человеческой составляющих понятия «безопасность». Однако опасность именно военных конфликтов, на наш взгляд, носит непосредственный характер. Ведь события и тенденции в сфере военно-политической безопасности напрямую касаются (в отличие, скажем, от безопасности дорожного движения или «секьюритизации» проживания человека в мегаполисах) главных человеческих ценностей:

- а) жизни и смерти людей, в конечном счете, выживания человечества;
- б) предотвращения гибели целых этносов и народов в различного рода вооруженных конфликтах;
- в) территориальной целостности, конституционного устройства и независимости, самого существования государств и их взаимоотношений с негосударственными акторами.

В годы «холодной войны» именно военная этиология безопасности превалировала: мир стоял на грани сползания к глобальной ядерной катастрофе. С начала 1990-х гг. такая опасность, казалось бы, миновала. Между тем и сегодня, по прошествии 20 лет, сохраняется атавизм разлома «Восток–Запад» в силу разности подходов элит этих образований и неравномерности развития обществ. Хотя «центральное» противостояние СССР – США времен «холодной войны» заменено массой новых конфликтов, не устранено фактически военное противостояние России и Запада. США и Россия по-прежнему рассматривают друг друга как серьезнейших конкурентов на мировой арене, а ядерные арсеналы друг друга являются подлинным взаимным оправданием их стратегии ядерного сдерживания.

Оказалось, что понимание основ мироустройства и социального порядка у элит обеих стран диаметрально противоположно. Российские правящие круги, несмотря на то что Америка в принципе является нашим «естественным партнером» в решении крупнейших мировых

проблем, испытывают синдром глубокого антиамериканизма (который частично объясняется не только стереотипами «старого мышления», да и самим уровнем этой элиты. Но и своего рода «комплексом неполноценности» в связи с ситуацией в стране, неспособностью провести структурные реформы в экономике и поднять уровень жизни большей части населения, утратой статуса глобальной «сверхдержавы». Российские власти довольно болезненно реагируют на претензии США закрепить за собой мировое лидерство, попытки «выдавить» Москву из зоны ее традиционных геополитических интересов на постсоветском пространстве, а то и заставить поставлять основу экономической мощи – свои минеральные ресурсы Западу на диктуемых им условиях.

Практически по всем наиболее актуальным проблемам мировой политики – будь то ситуация на «Большом Ближнем Востоке» или в бывшей Югославии (в особенности Косово), угрозы безопасности в пресловутой «дуге нестабильности» или восприятие Китая, не говоря уже о соревновании за влияние в Евразии, – подходы двух держав иногда прямо противоположны. В такой парадигме ядерное оружие продолжает оставаться, по российским доктринальным установкам, важнейшим фактором обеспечения безопасности страны, гарантом ее независимости, то есть, по существу, материальной основой все еще разделяемой определенной частью элиты пресловутой доктрины «суверенной демократии». Казалось бы, предпосылки для этого создают геополитическое положение России, ее географические размеры и опыт исторического прошлого.

К сожалению, установлению действительно партнерских отношений с США препятствуют различия в политическом строе и идеологиях наших двух стран. В то время как США является классической страной «бюргерского» капитализма с устоявшимися принципами либерально-буржуазной демократии, в России исторически и социокультурно сложились своеобразный режим бюрократического, чиновничьего госкапитализма. Для него характерны культ обожествляемого всевластного «государства» и отсутствие структур самоуправления, в последнее время помноженные на весьма специфическую сверхкоррупционированную, неэффективную и несовременную экономику. Вместо конкуренции крупных и мелких компаний в ней действуют отобранные государством олигархические структуры, владельцы которых централизованно «назначаются» быть миллионерами, как в старину ставились «на кормление» или на учреждение мануфактур, – точно так же не имея никаких гарантий сохранения розданной государственной собственности и щедрых бюджетных вливаний в случае несоблюдения неких «понятий» и правил игры.

В этой ситуации даже после падения советского режима, вопреки мнению наших некоторых либеральных экспертов, у элит двух стран совершенно различные основополагающие установки, представления о мироустройстве и сущности го-

сударственного строя, совершенно различные наборы и шкалы ценностей и мотивировок. Поэтому, в том числе и для закрепления собственных внутривнутриполитических позиций, некоторым в российской элите выгодно раздувание образа врага и выставление Америки как самой главной военной угрозы РФ. А пока она демонстрирует некие «комплексы неполноценности» и просто плохо скрываемую зависть в отношении военных возможностей США. В этой связи отношение к ядерному оружию – один из показателей зрелости российской военно-политической элиты.

В интеллектуальном плане в области безопасности мы мало что способны противопоставить новым американским концепциям видения мира. Они настолько оторвались от всех других держав, что фактически их вооруженные силы, понимая устарелость концепции ядерного сдерживания, с точки зрения потенциала и будущего облика уже живут в ином измерении. Ядерное сдерживание рассматривается в США лишь как крайнее средство, гарант последнего уровня. Эта доктринальная установка между тем встречается с определенным скепсисом и озабоченностью в целом ряде ядерных держав, включая Россию и Францию.

Естественно, что это делает вопросы ограничения стратегических вооружений едва ли не единственным полем реального сотрудничества двух стран. Все остальное – как борьба с международным терроризмом, сотрудничество в борьбе с распространением ОМУ, международной оргпреступностью и наркоторговлей, контакты в области науки и технологий – не более чем дань политкорректности и делается «для галочки». В то же время в сознание легковверного дюжинного российского обывателя некоторыми СМИ и горе-политиками вбивается тезис о том, что Америка буквально готовится к завоеванию России, уровень обороноспособности которой якобы неуклонно падает, и потому единственное спасение – новая гонка ядерных вооружений.

Довольно наивными представляются тенденции российских военных оценивать собственную безопасность в категориях «холодной войны», опираясь на концепции необходимости поддержания «стратегического паритета» и ядерного сдерживания. Их главный тезис в том, что США остаются политическим противником и в силу наличия у них существенного ядерного потенциала России необходимо противопоставить ему аналогическую стратегическую мощь. При этом забывается ключевое положение К. Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Если, конечно, не скатываться на позиции радикального национализма и не запугивать самих себя коварностью пресловутых «янки», то трудно констатировать наличие существенных политических разногласий или стратегических противоречий между Россией и США. Их нет ни в Европе, ни в Азии, ни на Большом Ближнем Востоке, ни даже на постсоветском пространстве.

Сам же по себе ядерный потенциал отнюдь не требует прямого ему противодействия – ведь не сдерживают же США Францию. Вот и Россия, и США по мере их политэкономической эволюции вполне созреют для таких отношений – когда наша элита перестанет быть постсоветской, а американская отрешится от пресловутого протестантского мессианизма. Это произойдет, разумеется, не в ближайшем будущем. Этот процесс будет ускорен, если у нас в стране действительно начнутся процессы прорывной революционной модернизации и радикальной демократизации, экономика слезет с пресловутой «нефтегазовой иглы» и реально, а не в лозунгах, перейдет к инновационным технологиям, в результате чего мы найдем конкурентоспособную нишу среди ведущих промышленных держав мира. А до тех пор ядерное оружие буквально обречено оставаться основой поддержания безопасности и внешнеполитического авторитета России.

Даже те природные ресурсы, к завладению которыми, по мнению «государственных» российских экспертов, так стремятся США, Россия все равно будет вынужденно кому-то продавать, чтобы выжить. Этим покупателем может стать и США, которые отнюдь не впадают в предсказанную рядом экспертов тенденцию тотального коллапса. Благодаря подлинно инновационной сущности американского капитализма, который аккумулирует со всего мира все лучшее и самое современное в интеллектуальной и технологической области, США и далее в эпоху постмодерна будут бесспорным экономическим локомотивом мира. В случае успешного «ребрендинга» имиджа Америки и репозиционирования ее как «маяка свободы и демократии», а также главного арбитра в конфликтах стран третьего мира Америка будет на обозримую перспективу оставаться и бесспорным глобальным лидером политическим. Взамен за эти ресурсы, ценность которых в информационную эпоху катастрофически падает, США смогут стать для нас дополнительным источником инновационных технологий и менеджерских ноу-хау, которые столь необходимы России, чтобы стать реально «умной», современной державой.

Вот почему России следует сосредоточиться не на наращивании наступательных стратегических вооружений, которые, кстати говоря, мало кого пугают в западном мире, а на реальной структурной модернизации страны. Она, конечно же, не может быть оксюморонно «консервативной», а возможна только при построении современного гражданского общества, либерализации, демократизации и наличии развитых демократических институтов. Обратная дорога ведет к Северной Корее и Венесуэле, то есть в тупики кризиса и со временем – полного развала. Такая модернизация не только закрепит место России среди концерта ведущих держав, но и станет залогом обеспечения ее прочной национальной безопасности в ситуации появления нового формата стратегической стабильности.

Разумеется, на состоянии международной системы отражаются изменения в характере вызовов международной безопасности и стабильности, в их приоритетности. Угроза мировой ядерной войны утратила абсолютный приоритет, хотя само наличие крупных арсеналов оружия массового уничтожения окончательно не позволяет устранить возможность глобального «холокоста», инцидента с ядерным оружием или ядерной техногенной катастрофы. Более того, в отдельных случаях, когда наиболее развитые в военном отношении государства применяют силу ограниченно (Ирак, Афганистан, Ливия), их вооруженные новейшими, широко используемыми электроникой системами вооружений военные контингенты оказываются уязвимыми для устаревших образцов оружия и не могут им противостоять. Войска НАТО в ливийской операции достаточно эффективно обеспечивали поражение зенитно-ракетных комплексов противника, но не смогли справиться с войсковой ПВО образца 60–70 гг. прошлого века, основанной на приборах визуального наведения.

Обозначились, таким образом, два «трека» гонки вооружений – традиционное наращивание военных потенциалов и развитие новых систем и видов вооружений ведущими державами. России также требуются новые современные типы вооружений – для урегулирования внутренних конфликтов и проведения миротворческих операций на постсоветском пространстве, борьбы с терроризмом и агрессивным сепаратизмом под маской фундаменталистского исламизма. Не исключена и опасность того, что объективно дальнейшее совершенствование военного потенциала США в прогнозируемом будущем нанесет ущерб интересам безопасности России. В то же время развитие у нас подобных систем вооружений – наряду с прогрессом в гражданском секторе модернизации – существенно способствовало бы укреплению внешнеполитического потенциала и престижа России. Для применения такого оружия в целях отражения военных вызовов и угроз необходима разработка новых доктрин и концепций, отражающих новое качество научно-технического прогресса в сфере вооружений.

Взаимное влияние новых вооружений на военные концепции – факт современного мирового развития. Концепция развития вооруженных сил, концепция технологических изменений, технологической политики определяются в том числе типами вооруженных конфликтов, на которые ориентированы эти технологии. Появление новых систем вооружения придает новый импульс развитию способов ведения вооруженной борьбы. Так, например, информационная борьба стала играть решающую роль в современной войне. В свою очередь, появились и новые возможности по ведению контринформационных операций, по темпу сбора информации. В условиях, когда существует иерархическая система сетцентричной войны с единым информационным полем, обеспечить поражение этих систем вполне возможно.

Успех в морально-психологической борьбе порой решает ход и исход вооруженной борьбы.

Сегодня практически похоронена идея «бесконтактных» войн, идея «роботизации войн». Основные арены битв в течение века будут переноситься с наземно-воздушного пространства в два других – космическое и Интернет. Информационно-коммуникационные военные технологии или информационное оружие будут постепенно вытеснять ядерное в качестве «сверхоружия» XXI в. Если и появляются новые технологии, то они используются у развитых государств. Но и те вооруженные силы третьего мира, которые действуют в «серых зонах», в непризнанных государствах, приспосабливаются к новым методам ведения боевых действий, к новым технологиям в вооружениях. И под технологиями здесь следует понимать не только новую электронику, новую авионику, средства связи и т.д., но и средства связи и организации вооруженной борьбы. Во многих случаях действия спецназа были единственными эффективными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности. Существенно возрос фактор действия сил спецопераций – значительно по сравнению с предыдущими войнами. Во многих случаях действия спецопераций были единственными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности.

Ядерное сдерживание все еще не уходит в прошлое. Совершенно очевидно, что полная ликвидация ядерных вооружений в мире – дело весьма далекого будущего, даже не проблема среднесрочной перспективы. Для ведущих государств непосредственной становится и опасность распространения ядерного оружия, других видов ОМУ, ракетных технологий, в том числе крылатых ракет. Осознание этой проблемы сближает страны «первого» и «второго» мира. Немного успокаивает то, что доступ к соответствующим средствам ведения войны (оружию, оружейным технологиям) носит весьма избирательный характер. В его приобретении заинтересованы довольно немного стран, главным образом «несистемных» – КНДР, Иран, ранее – Ирак и Ливия. Средние и малые развивающиеся страны, не обладая достаточными ресурсами, рассматривают военную силу как основу выживания своих зачастую авторитарных, не соблюдающих ключевые права и свободы человека режимов – особенно в государствах-«париях».

Для построения полностью безъядерного мира необходимо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и международной безопасности, гарантировать коллективную безопасность всех государств и ликвидировать рецидивы и стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности. Что же касается стратегической стабильности, то она уже не та, что в классическом понимании периода «холодной войны» (например, у Т. Шеллинга и А. Уолстеттера). Ее определяли тогда как устойчивость системы взаимных сдержек и противо-

весов в области центрального ядерного баланса между двумя антагонистическими блоками, не допускавшая стимулов к первому удару, а также непредсказуемого развития в случае кризисов или безудержного обострения гонки вооружений. На смену ей приходит более комплексное понимание.

Порой понятие «стратегическая стабильность» в российской и зарубежной политологии сводится к «ядерной стабильности» или проблематике ядерного сдерживания. В то же время в соответствии с Военной доктриной РФ одной из основных задач Российской Федерации является «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне», в то время как одной из ключевых угроз являются попытки подорвать стратегическую стабильность. Упоминается стратегическая стабильность и в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» – как один из «стратегических национальных приоритетов»¹³. Можно вспомнить и «классическое» определение из «Совместного заявления США и СССР относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности» от 1 июля 1990 г. И поныне стратегическая стабильность остается приоритетным вопросом российско-американского взаимодействия. В этой связи и контроль над вооружениями, а также и возможные прорывы в деле разоружения мыслятся скорее как своего рода «менеджирование» процессами снижения уровней вооружений и соответственно военной угрозы. Естественно, что эта цель сохраняет свою важность и сегодня. С учетом этого российской стороне важно не только не растерять накопленный политико-дипломатический капитал в данной сфере, но и заявить о себе как об убежденном стороннике разоружения, «безъядерного мира», нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями.

Однако сегодня стратегическая стабильность уже не привязана к концепциям ядерного противостояния, она не только демонстрирует отсутствие стимулов к нанесению первого удара в ситуации ядерного противостояния, пусть и с учетом новых стратегических факторов, появления новых ядерных держав и угрозы нового распространения ОМУ, – но и таково ее понимание в узком смысле. Современное понимание в новых условиях многополярного мира более комплексно: как избежать угроз и вызовов национальной безопасности, как не снижать уязвимость государства к попыткам подорвать его жизненные интересы, как, наконец, привести систему международных отношений после разбалансирующих ударов кризисов и конфликтов в состояние некоего динамического равновесия. Сегодня стратегическая стабильность – это, скорее, выстраивание такой системы, которая способна уберечь мир от крупных вооруженных конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса.

В этой связи от российских и западных военных и экспертов требуется разработка новой философии войны, своего рода обновленной редакции «нового мышления во внешней политике», предусматривающего, в частности, отказ от концепции ядерного сдерживания, реагирующего на новые среды и методы противостояния (например, появление новых видов ОМУ). Тут требуются не только уникальные новые технологии, но и новая информационная политика и культура мышления, способные предвосхищать возникающие угрозы и вызовы.

В идеале мир должен эволюционировать в сообщество миролюбивых и – при всем различии национальных социокультурных особенностей – демократических государств с:

- развитой и социально ориентированной рыночной экономикой;
- реально соблюдаемыми нормами прав человека во всей их совокупности;
- развитой сетью гражданских обществ;
- общепризнанными атрибутами разделения властей и демократического контроля общества над государственной машиной;
- действенной системой мирного разрешения возникающих споров между государствами;
- действительным ускорением принципа неприменения силы и угрозы ее применения.

Должна быть устранена почва для межцивилизационных, межрелигиозных и межэтнических конфликтов, которые, особенно при наличии соответствующих ресурсов и фундаменталистской псевдорелигиозной идеологии, подпитывают стимулы к обладанию ядерными арсеналами – будь то для обеспечения доминирования над соседями в регионе или для пропуски в клуб «великих держав». Естественно, что переход к безъядерному миру должен быть продуманным, планомерным и поэтапным. Его главные условия – радикальные сокращения ядерных потенциалов, присоединение к этому процессу на соответствующих этапах всех ядерных держав – официальных и неофициальных, эффективные гарантии нераспространения ОМУ и предотвращения его разработки в глобальном масштабе. Поэтому особенно трудной проблемой представляется ликвидация ядерного потенциала Китая, Индии и Пакистана, не говоря уже о КНДР и, возможно, в будущем, в случае его создания, несмотря на все сегодняшние заверения в обратном, – Ирана.

Этот процесс должен, разумеется, включать и полное уничтожение всех типов – стратегических и нестратегических (тактических) – ядерных вооружений и гарантии контроля за невозобновлением их производства, а также жесткие ограничения уровней обычных сил и вооружений, с тем чтобы не допустить нового витка их наращивания – уже в безъядерном мире. При этом тем не менее с помощью обычных сил должны быть адекватно обеспечены жизненные интересы безопасности государств. Особое внимание следует уделить строгому контролю над мирными исследованиями в области ядерной энергетики,

предотвращения обхода модальностей безъядерного мира через этот канал – для чего необходимо радикальное укрепление режима гарантий МАГАТЭ, совершенствование системы экспортного контроля за оборотом ядерных материалов и технологий.

Нашим военным и оборонщикам надо было вплотную заняться радикальным повышением уровня оснащённости Российских Вооружённых сил самыми современными «умными» компьютеризованными обычными вооружениями на основе реализации концепции «революции в военном деле» и завершения наконец-то столь болезненно идущей реформы отечественного ОПК. Иначе Россия действительно скатится на уровень третьеразрядной региональной державы – экспортера полезных ископаемых, останется этакой «евразийской Саудовской Аравией». России вряд ли следует демонстрировать настороженное или тем более скептическое отношение к идее «мира без ядерного оружия». Такой подход был бы контрпродуктивным с точки зрения дальнейшего продвижения наших внешнеполитических приоритетов, укрепления имиджа России как великой демократической суверенной и современной державы. РФ в этом смысле – один из мировых лидеров, в том числе и в вопросах нераспространения ОМУ и снижения опасности военной угрозы, контроля над вооружениями, играющих столь важную роль в глобальных процессах развития. Ведь очевидно, что выдвижение таких инициатив не требует от нас немедленной ликвидации всех ядерных арсеналов, по крайней мере, если это не диктуется самой логикой процесса их амортизации. Более того, следует сделать все возможное, дабы не допустить перехвата Соединёнными Штатами традиционных разоруженческих, «антиядерных» лозунгов советской и позднее – российской дипломатии.

Каналы «купирования» гонки вооружений и продвижения по пути глобального и регионального снижения военной угрозы в принципе существуют. Новый Договор по СНВ открывает и возможности дальнейшего сокращения СЯС. Глубокие сокращения СНВ, предпринимаемые Россией и США, ведут к возникновению качественно новой ситуации в сфере ядерного разоружения. При этом стратегическая стабильность на новом этапе нуждается в новом осмыслении. Необходимы ее новые определения – с учетом появления новых «неофициальных» ядерных государств, угрозы распространения ОМУ и его взаимосвязи с ядерным сдерживанием, новым характером глобальной конфликтности. Дальнейшие шаги по пути ядерного разоружения должны рассматриваться и осуществляться при неукоснительном соблюдении принципа равной и неделимой безопасности и с учетом всей совокупности факторов, способных повлиять на стратегическую стабильность. Речь идет, в частности, о таких факторах, как:

- создание региональных систем ПРО без учета безопасности соседних государств;

– возможное одностороннее наращивание потенциала стратегической ПРО;

– перспектива появления оружия в космосе.

Вопрос о ПРО по-прежнему остается главным для диалога Восток–Запад, а также для российско-американских отношений. Еще до исторического по своей успешности ноябрьского Совета Россия – НАТО 2010 г. в Лиссабоне Россия сформулировала три принципа для будущего соглашения с НАТО по ПРО:

– Россия должна быть полноценным партнером;

– стороны будут делиться данными о раннем предупреждении (в частности, получаемыми с помощью разведывательных средств);

– для осуществления такой защиты должны быть выделены отдельные зоны ответственности.

Тезисно можно наметить дальнейшие шаги в деле разоружения:

– прежде всего, разумеется, нужно продолжать процесс сокращения СНВ. Новый договор мог бы сократить количество оперативно развернутых боеголовок до уровня примерно 1000–1200 к 2020 г. Такие сокращения могут быть согласованы ранее, если Москва согласится не наращивать свои быстро сокращающиеся силы до разрешенного нынешним Договором потолка в 1550 единиц и быстро произвести сокращения, например, до 1400–1300 боезарядов;

– для успеха таких переговоров было бы полезно неофициальное обязательство третьих государств, обладающих ядерным оружием, не наращивать свои ядерные силы, а также их согласие на ряд мер по укреплению доверия и транспарентности;

– очень важной мерой повышения взаимного доверия является создание совместного Центра предупреждения о ракетном нападении и ракетных угрозах, а также проведение совместных учений об отражении ракетных угроз. Все это способствовало бы сближению позиций сторон по проблематике ПРО, а в перспективе – и созданию объединенной системы противоракетной обороны и раннего предупреждения;

– США и Россия в плане начала переговоров по выработке соглашения о ликвидации тактического ядерного оружия могли бы обмениваться информацией о его запасах и договориться на двусторонней основе о мерах транспарентности и доверия. Ясно, что лучше всего решать тему ТЯО в рамках будущего обсуждения проблемы обычных вооруженных сил и вооружений в Европе;

– предстоит «навязать» американцам и нашу концепцию ограничения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Необходимо начало разговора и о лимитах на современные высокоточные, в том числе большой дальности, системы такого оружия. Для этого нужно отказаться от блокового подхода, характерного для Договора ДОВСЕ, и найти новые, нестандартные решения;

– важная тема – укрепление сотрудничества в нераспространении ОМУ, прежде всего мате-

риалов и технологий, потенциально применимых для его создания. В этих целях очень важно сотрудничество ведущих держав в укреплении престижа и потенциала МАГАТЭ;

– создание международных центров по обогащению урана в развитие российской и американской инициатив, ориентированных на обеспечение широкого доступа к мирному использованию ядерной энергии и в то же время на укрепление режимов нераспространения.

Налицо реальные возможности сдерживания процесса создания новых видов и типов оружия и запрета «экзотических» вооружений – поскольку США уже догнать никому невозможно, а их разработки ограничены финансовыми затруднениями в посткризисный период. Таким образом, у мировых процессов безопасности есть будущее, налицо и технологическая база укрепления глобальной стабильности. Происходит переоценка фактора силы в международных отношениях. Этому способствует и развитие российско-китайского стратегического партнерства, укрепление таких организаций, как БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕвразЭС.

В комплексе инструментов политики наиболее развитых стран все более важное место занимают невоенные средства, условно объединяемые понятием «мягкой силы». Тем самым расширяются возможности развитых стран, оказывая эффективное несиловое давление, усиливая свое влияние в мире. В то же время, отдавая предпочтение несиловым методам, великие державы (включая Россию) готовы и к избирательному прямому использованию военной силы или угрозы применения силы в отдельных критических ситуациях для защиты своих национальных интересов (например, России – в Арктике или на Кавказе, а НАТО – в Афганистане). Россия в этой связи, скорее всего, будет стремиться поддерживать военный потенциал в целом на уровне ведущих стран и обеспечивать ядерное сдерживание – устрашение с США.

И последнее: пора переходить от лозунгов и обвинений в двойных стандартах к выстраиванию четкой картины мира и роли в нем России, которые мы хотели бы видеть в ближайшие 20 лет.

Mizin V.I. New Aspects of National Security Strategy.

Summary: The article describes new aspects in the development of contemporary international security situation and strategic stability. The author opines that the current phase of international relations tends to be rather chaotic and highly unpredictable in its evolution. He attempts to trace the influence of such unorthodox factors as polycentric nature of the world, departure from exacerbated military confrontation, global terrorist threat on the formation of a principally novel model of strategic stability which substitutes the paradigms of the cold war era. The article dresses the list of specific proposals on the strengthening of military and political security worldwide.

Ключевые слова

Безъядерный мир, военная и политическая безопасность, конфликты, контроль над вооружениями, оружие массового поражения, стратегическая стабильность, США, разоружение, Россия, ядерные вооружения.

Keywords

Non-nuclear world, military and political security, conflicts, arms control, WMD, strategic stability, USA, disarmament, Russia, nuclear weapons.

Примечания

1. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России <http://putin2012.ru/#article-6>
2. Концепция внешней политики Российской Федерации 15 июля 2008 года, <http://kremlin.ru/acts/785>
3. «Приватизация» мировой политики, локальные действия — глобальные результаты // Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008.
4. Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка. Клуб мировой политической экономики <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm>
5. Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 2 <http://geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch-2>
6. Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. — М.: Издательство политической литературы, 1989
7. Fukuyama F., The End of History and the Last Man. New York, 1992.
8. Кант И., К вечному миру. М., 1989.
9. Nye J., Soft Power: The Means to Success in World Politics, New York, 2005.
10. Nye J., The Powers to Lead, New York, 2008.
11. См., например: "Global Trends 2025: A Transformed World, The National Intelligence Council, http://www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html
12. Цыганков П.А. Традиции, парадигмы и споры в ТМО. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. Лебедева М.М. Теоретические школы в международных исследованиях / Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2003.
13. Кондратьев Н., Яковец Ю., Абалкин Л. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
14. Военная доктрина Российской Федерации 5 февраля 2010 года http://news.kremlin.ru/ref_notes/461